

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОНИМИКОН КАК ПОЛЕВАЯ СТРУКТУРА¹

Сироткина Татьяна Александровна

доцент кафедры русского языка

Пермский государственный педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. sirotkina71@mail.ru

Цель настоящей статьи – исследование системных отношений в этнонимии. В задачи входит определение этнонимического поля, а также описание таких его характеристик, как наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, частотность, стилистическая окрашенность. Делается вывод о том, что этнонимическое поле Пермского края – это иерархически выстроенная структура множества лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом – «этнический» – и связанных разного рода системными отношениями.

Ключевые слова: система языка; этнонимия; этнонимическое поле; системные отношения.

Как известно, одной из наиболее важных проблем современного языкознания является проблема системных отношений в лексике. Интересен для исследования в этом плане и такой класс слов, как этнонимы (названия народов). Этнонимикон любого языка – это некая упорядоченная совокупность слов, которую мы и попытаемся представить в виде поля.

Как отмечает В.И.Супрун, «любой неслучайный набор языковых единиц и явлений, их структурированная совокупность может быть представлена как поле» [Супрун 2000: 11]. Теория языкового поля разрабатывалась в трудах М.М.Пешковского, П.Роше, Ф.Дорнзайфа, Р.Халлига, И.Трира, Г.Ипсена, В.Порцига, Ю.Н.Караулова, А.В.Бондарко и др. Главным принципом полевого моделирования системы языка служит объединение языковых единиц по общности их содержания – семантического и функционального. Единицы одного и того же языкового поля отражают предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений. Поэтому полевая модель представляет динамическую связь между языковыми явлениями и внеязыковым миром.

Функционирующие в языке жители определенного региона (в данном случае – Пермского края) названия народов (этнонимы) также можно представить как поле – этнонимическое поле, под которым мы понимаем иерархически выстроенную структуру множества лексических единиц, объединенных общим семантическим компонентом – «этнический» – и связанных разного рода системными отношениями.

Этнонимическое поле обладает такими характеристиками, свойственными и для других лексико-семантических полей, как наличие ядерно-периферийных отношений, семантическая общность, частотность, стилистическая окрашенность. О некоторых из них и пойдет речь в данной статье.

1. Этнонимическое поле представляет собой совокупность лексических и фразеологических единиц, объединенных общим семантическим компонентом – «этнический».

Как известно, фразеологизмы в большей степени, чем единицы других языковых уровней, вбирают в себя национальную специфику и ценностную ориентацию их носителей. «В процесс фразеологизации активнее вступают те свободные словосочетания, которые отражают конкретные явления материальной действительности, связанные с жизнью человека» [Золотых 2006: 194].

Часто в языке мы можем наблюдать акты «ксенономинации», т.е. номинации через чужое. Показательны, на наш взгляд, в этом плане фразеологизмы с этническим компонентом. Очень продуктивен в пермской фразеологии этноним *татары*: *татара (молотят) в голове* – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове; *татарам на хмель* – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель; *татарин родился* – о моменте мгновенной тишины: «Татарин что ли родился? Почему тогда замолчали? Разговаривайте» [Прокошева 2002: 372].

Наряду с этнонимами в состав фразеологизмов входят отэтнонимные прилагательные: *коромысло татарское* – высокий сутулый человек: «Спать ложуся, дак только и разгибаюсь, а днем как коромысло татарское – не согнуться, не разогнуться» [Там же: 372].

Это же прилагательное становится основой для образования орнитонима: *татарская ворона* – одна из разновидностей семейства вороньих: «У нас новая птица появилась – татарская ворона. Похожа на галку, хохолок большущий, под крыльями бело; на сороку находит, а поет – как маленький ребенок» [Там же: 58].

2. При исследовании этнонимии как полевой структуры необходимо рассмотрение ядерно-периферийных отношений.

В этнонимическом поле ядром, безусловно, является само этническое имя (немцы, татары, русские, удмурты и т.д.), а периферию составляют различные образования от него (фразеологизмы, антропонимы, топонимы). Выделяется также окооядерное пространство, которое составляют этнонимы, употребляющиеся в переносном значении (вотьяк – «глупый», еврейка – «жадная», татарин – «бестолковый» и т.д.).

В семантике отдельно взятого имени лица актуализируется один или несколько компонентов значения данной языковой единицы, например, в слове *татарин* – компонент «злой» психологического поля семантики: «зачем собаку-то он бил? Вот татарин-он де-ка» (д. Жуланова Соликамского района).

Кроме семантики имени лица, основы этнических имен могут образовывать:

1) названия одежды: «*Татарка* – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая, то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками; воротник из матерьялу» (д. Тюлькино Соликамского района);

2) названия растений: «*Татарка* на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублёна одёжа делалась» (д. Дуброва Еловского района); и т.д.

3. Между единицами, образующими этнонимическое поле, наблюдается явление варьирования.

Вариантность – неотъемлемая черта функционирования этнонимии. Так, в пермских деловых памятниках часто встречаются орфографические варианты, например, *вогулетин* – *вагулетин*: «В одном месте юртами не живут, а живут переходя по малым рекам где кому добыча зверю всякому и рыбе тот тут вогулетин живет и ночует»; «Пришли с Вишеры ясашные целовальники Ивашко Антонов с товарищами да с ними два вагулетина» [Словарь... 1993: 93]. Варьируется орфографически и форма множественного числа

данного этнонима – *вогуличи* – *вагуличи*: «Самим кормиться и Ваш Великих Государей ясак платить своих долей, и за сошлых за умерших Вогуличь стало не вмочь» /5, с. 139/; «Взяты за ясак же и те соболи и лосины в приказной избе а болши де того вагуличи ясаку добыть не могли» [Словарь 1993: 93].

4. Этнонимы, составляющие поле, могут находиться друг с другом в определенных отношениях – синонимических, антонимических, а также представлять актуальную, либо устаревшую лексику.

Так, среди синонимов можно встретить абсолютные синонимы или дублиеты: *вотьяки* – *удмурты*, и эмоционально-оценочные синонимы: *еврей* – *жид*.

Антонимы в этнонимической лексике встречаются крайне редко, они представлены единичными антонимами дихотомического деления понятий: *русские* – *нерусские* [Супрун 1981: 56]

К архаизмам можно отнести актуальные до начала XX века этнонимы *вотьяки*, *вогулы* и др., замененные в 1917 году самоназваниями *удмурты*, *манси* и т.д.

Рассмотрим пары подобных именовании, функционирующие в Прикамье.

1) Вогулы – манси.

Вогулы – именно так начиная с XVII века называют этот народ русские: «Ездили к вишерским вогулам» [Словарь... 1993: 93]. После 1917 г. официальным названием становится этноним *манси*: «Манси, как и русские, селились по берегам рек» [Чагин 1995: 313].

2) Черемисы – марийцы.

До начала XX века этноним *черемисы* употреблялся и в деловых документах, и в научных описаниях: «183 году, мая в 28 день, приводная черемиса деревни Кобеняковы Умербахтка Метяков роспрашиван» [Кунгурские... 1888: 21]; «Бисертской завод построен на купленной еще дедом его г. Действительным Статским Советником Акинфием Никитичем у ясашных Татар и Черемис в 1741 годе земле» [Попов 1803: 327]. Когда официальное название меняется, это, естественно, отражается и в научной терминологии: «По современным данным, здесь (в Пермской и Свердловской областях) проживает в общей сложности 37, 9 тыс. марийцев» [Лаллука 1997: 30].

3) Остяки – ханты.

Этноним *остяки* отмечается в пермских деловых памятниках: «У карьевских остяков на родниче, на Дышеве, мельница мутовка» [Шшонко 1882: 253]. Фиксируется данный этноним и в научных описаниях XIX – начала XX вв.: «Русское население... разделяли инородцев на три категории – на ясачных, вогулов и остяков»

[Кузнецов 1888: 739]. В современных научных текстах функционирует этноним *ханты*: «Задолго до русских здесь жили манси, ханты, татары» [Чагин 2002: 83].

4) Вотяки – удмурты.

Как и в случаях с другими этнонимами, до начала XX века в научных текстах употребляется старая форма – *вотяки*, затем сменяясь новой – *удмурты*: «Что касается племенного отношения нынешних Пермьяков к другим финским народам, то по языку они почти нисколько не отличаются от Зырян и очень близки к Вотякам» [Дмитриев 1889: 9]; «Сведения об удмуртах на страницах письменных источников появились очень поздно» [Владыкин 1970: 37].

5) Зыряне – коми-зыряне: «Коми, населяющие ныне территорию Коми АССР, до революции назывались зырянами» [Шишкин 1947: 22].

5. Как и все единицы языка, этнонимы способны вступать в ассоциативные связи с другими лексемами.

В рамках той или иной этнической культуры формируются представления о различных этносах. Эти представления отражаются в языковой картине мира через набор оценочных смыслов, которые, в свою очередь, находят отражение в национально-культурных стереотипах.

Описание поля представляется особенно важным в плане использования полученных данных в лексикографической практике.

На наш взгляд, создание местных словарей этнонимов не менее актуально, чем продолжение работы над созданием общерусского этнонимического словаря, поскольку позволяет решить многие вопросы лингвокраеведческого характера. Региональные исследования дают интересные материалы, касающиеся приобретения этнонимами нарицательных значений (и далее – включения этих сем в русскую языковую картину мира), заселения тех или иных территорий разными народами.

По своему материалу словарь этнонимов может пересекаться с историческими, диалектными, ономастическими словарями, описывающими лексику определенной территории, однако должен отличаться от них и по составу словника, и по структуре словарных статей.

В отечественной лексикографии идеографические словари – один из самых молодых видов лексикографических изданий. Одной из разновидностей идеографических словарей являются тематические, в которых описываются микросистемы русского языка, сгруппированные вокруг определенной темы. Как представляется, именно такой словарь будет строиться с учетом полевой организации этнонимического материала.

Тематический словарь этнонимов Прикамья мог бы содержать около 100 понятий, охватывающих все основные этносы, функционирующие в Пермском крае.

Поиск ментальных закономерностей, воплощенных в этнонимической лексике, может опираться, на наш взгляд, именно на идеографическое (тематическое) описание пермского этнонимикона. Идеографическое описание, как известно, предполагает «выявление понятийных классов (семантических полей), отражающих членение объектов реального мира» [Лабунец 2007: 110].

При таком подходе основным термином становится идеограмма – то или иное понятие, распространенное на всей исследуемой территории, а набор лексем, репрезентирующих определенное понятие, – основной единицей анализа. Набор репрезентантов идеограммы в этом случае может рассматриваться как лексико-семантическая группа, как полевая структура и как репрезентация понятийной категории [Лабунец 2007: 111].

Описание каждого из понятий, образующих категорию этничности, должно включать основные семантические зоны, или идеографические классы: «Группа людей», «Мужчина», «Женщина», «Принадлежность», «Характеристика», «Способ действия», «Антроним», «Топоним».

В таком случае легко будет проследить связи не только между репрезентантами, составляющими одно понятие, но и между лексемами, находящимися в разных статьях, но представляющих одну семантическую зону, например, зону «Принадлежность»: *вогульский, удмуртский, еврейский* и т.д.

Рассмотрим, каким образом в подобном словаре будет выглядеть словарная статья, посвященная понятию *татары*.

ТАТАРЫ. Представители одного из тюркских народов.

Группа людей.

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татары, татар, татарова, татарове, тотарове: «В их же вотчине впала в рч. Ирень – речки малыя: Тарт, и Яс, по коим их владения, равно как по рр. Тулвы, вниз на 10 верст, Чире, по межу уфимских татар» (Ш, II, 251); «Да ему ж де Афонке сказывали татара Турайко Байгозин да Байтемирко Батряков» (КА, 24); «А как тебе дорогу татарова укажут и ты-б о том отписал» (Ш, II, 156); «А будет татарин Епанча, или которые иные татарове учнут говорить» (Ш, II, 145); «Князьки, и мурзы, и тотарове, и остяки и вогуличи учнут к вам приходиться бити челом» (Ш, II, 151).

Научный дискурс. Татары, татар, татаре, тотарове, монголо-татары: «Бисертской завод по-

строен на купленной еще дедом его г. Действительным Статским Советником Акинфием Никитичем у ясажных Татар и Черемис в 1741 году земле»; «Тогда приводится на продажу из разных селений немалое число лошадей; для закупки коих приезжают сюда Уфимского, Красноуфимского, Осинского и Кунгурского уездов Башкирцы и Татара» (Попов, 327, 285); «В 1558 году, мы видим, что татары из Сибири приехали» (Ш, II, 61); «И начали паки татарове возвращаться» (Ш, I, 20); В XIV в. усилилась борьба покоренных монголо-татарами народов Приуралья за освобождение от ига завоевателей» (Оборин, 69).

Диалектный дискурс. Татары: «Большинство татары населяют». *Собир.* татары, татары: «Это видно татары»; «Есть татары» (Акчим).

Художественный дискурс. Татары: «За пермских татар, у которых Исур шибаном» (Иванов, 186). *Собир.* татары: «Мимо татары плыть пришлось, а река-то ледяная» (Иванов, 80), «Новгород, Киев, Владимир с Москвой, Вот где была наша сила, – Там мы спаслись от татары лихой, Церковь от бед нас хранила» (Какорин, 15).

Мужчина.

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татарин: «Приказывал де с ними к нему Афонке татарин Мамык, чтоб по тое корову приехать, а та де корова у него Мамыка заперта» (КА, 24).

Научный дискурс. Татарин: «В 1628 году Татарин живший при р. Нице объявил Туринскому воеводе Воину Корсакову, что в болотистом месте на версту от сей реки нашел он железную руду» (Попов, 199).

Диалектный дискурс. Татар, татарин: «Если он настоящый татар, мы его так не назовем»; «татарином как-то оно неудобно, некультурно татарином в лицо назвать» (Акчим). *Фольклорн.* татарянин, татарчанин: «Как взговорит да злой татарянин»; «Уж ты гой еси, злой татарчанин». *Поговорка:* «Ты татарин басурман посадил девок в карман» (Акчим). *Прибаутка:* Тру-тата, тру-тата, вышла кошка за кота. Ладила за барина, вышла за татарина. Стал татарин лопотать, стала кошка хохотать» (Акчим).

Художественный дискурс. Татарин: «Видимо, хитрый татарин учуял угрозу в молчании чердынского князя и потому пошел на попятную» (Иванов, 79).

Женщина.

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татарка: «А нашивки де и паворозы ему дала, выняв из пристепа, татарка девка Кулпиха, и говорила она ему, чтоб он шел де заложил на колочех» (КА, 10).

Диалектный дискурс. Татарка: «Татарки выходили за наших, кто кому понравится» (Акчим);

апайка (от тарского апа, апай – старшая сестра), алышка (Осин. Перм. – СРНГ, 1, 264).

Принадлежность.

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Татарский, тотарский: «А татарская девка Кулпиха в роспросе во всем запиралась же: нашивок де она и паворозов никаких малому Микитке не даывала и в тес нашивок с ним не хоронила» (КА, 11); «На верх того Глубокого логу за татарскою дорогою старая гран береза» (СПП, 6, 12).

Научный дискурс. Татарский: «И построен на кортомленных Татарских землях» (Попов, 170). *Фразеолог.* татарские чашки – чашки, которые имелись у русских специально для угощения татар: «У русских считалось большим грехом есть вместе с татарами, кормить из своей посуды, поэтому практически повсеместно в Южном Прикамье русские держали татарские чашки, из которых сами никогда не ели» (Черных, 36); татарская полка – полка, на которой хранились татарские чашки: «Татарские чашки хранились в снях, в голбце, а иногда и в доме, на отдельной татарской полке» (Черных, 36); татарский стол – стол, который старообрядцы приносили в дом для угощения татар: «Старообрядцы Куединского района никогда не кормили татар за своим столом, а те семьи, которые арендовали землю, для застолья приносили в дом татарский стол» (Черных, 36).

Диалектный дискурс. Татарский: «Платок-от у меня каки-то татарской. Раньше оне всё любили такиё»; «Даже и в радио слышать, што татарска песня» (Акчим).

Художественный дискурс. Татарский: «Недаром примчались в Чердынь татарские шибаны из Ибыра и Афкуля» (Иванов, 52)

Способ действия.

Диалектный дискурс. По-татарски: «Мама! Вогулы-то как говорят? По-русски, по-татарски?»; «По-нашому мальчик, по-татарски баранчук»; «Шапку не снимат даже (о внуке). Ты што, по-татарски?» (Акчим).

Художественный дискурс. Нареч. по-татарски: «Понимаю по-татарски, подслушал» (Иванов, 80).

Ксеноним.

Диалектный дискурс. Татарка: 1. Мужская и женская верхняя одежда особого покроя: «Татарка – шуба на овечьем меху, с борками, поджимистая; то рубчик, то полусуконье возьмут; пышны рукава с грибочками, воротник из матерьялу» (Тюлькино Соликамского района). 2. Травянистое растение: «Татарка на репейник находит, ей одёжу жёлтили, така дублена одёжа делалась» (Дуброва Еловского района); татарин – бестолковый человек: «Зачем собаку-то он бил? Вот татарин он де-ка» (Жуланова Соликамского

района). Татарник – травянистое растение: «От свороба татарник используют. Заваривают и обкачиваются» (Словарь говора д. Акчим, 5, с. 61). *Фразеолог.* татара (молотят) в голове – головокружение, головная боль, тяжесть: «Сёдни я ничё не скажу, у меня татара молотят в голове (Тетерина Соликамского района); «Сколь много знала, всё это у меня в голове было, а тепере в голове татара молотят» (Тетерина Соликамского района); татарам на хмель – ни на что не годен: «Баушка, праздник нынче, дай выпить маленько, потом помогу тебе чем-нибудь. – Да кому ты нужен! Тебя только татарам на хмель» (Ножовка Частинского района); татарская морда – злой, сварливый: «Татарская морда – всё равно его грызётся, ругат» (Акчим).

Антропоним.

Деловой дискурс XVI – XVIII вв. Прозвище Татарин: «Житель починка Щекинский Антонко Михайлов сын Татарин» (Полякова, 223). Фамилии Татаринов, Тотаринов: «Крестьянин д. Анбур Агей Петров сын Татаринов»; «Чердынец Овейко Тотаринов» (Полякова, 223).

Художественный дискурс. Прозвище Татарин: «С детства его звали Татарином за маленький рост и скуластое, смуглое лицо» (Иванов, 38).

Топоним.

Научный дискурс. Ойконимы: Солянка Татарская (Кунгурский уезд, 1875), Таз Татарский (Кунгурский уезд, 1875), Татара (Пермский уезд, 1875), Татарка (Оханский уезд, Шадринский уезд, 1875), Татаркина (Осинский уезд, 1875), Татарская (Чердынский уезд, 1875), Татаршина (Ирбитский уезд, 1875), Татарская (Мошевская волость, Чердынский уезд, 1904): «Татарская Мошевской волости на р. Талице, притоке Мошевицы, впадающей в Каму, и Чердынско-Соликамском тракте» (Кривошеков, 124), Татарская Бырма (Юго-Кнауфская волость, Осинский уезд, 1904), Татарский Таз (Тазовская волость, Кунгурский уезд, 1904), Татары (Дмитриевская волость, Соликамский уезд, 1904), Татарское (-ая) (Верхнекамский округ, 1928), Татарский Арий (Кунгурский округ, 1928), Татарская Бырма (Кунгурский округ, 1928), Татарская Еманзельга (Кунгурский округ, 1928), Татарская Рахмангулова (Кунгурский округ, 1928), Татарская Шишмара (Кунгурский округ, 1928), Татарский Таз (Кунгурский округ, 1928), Татарский Турыш (Кунгурский округ, 1928), Татарское (Соликамский район, 1981), Татарская Шишмара (Кунгурский район, 1981), Татаро-Чикаши (Куединский район, 1981). Кладбище Татарское: «Отъ устья Тюменки речки вверх по Туре реке плесо до Татарского кладбища» (Ш, III, 710). Река Татарка: «На речке-де Татарке их монастырская мель-

ница запустела» (Ш, IV, 358). Медный рудник Татарский: «Татарской, находящийся в лесных дачах, принадлежащих к Бымовскому...» (Попов, 36). Река Татарка: «Отсюда большая дорога... возвышенными и потом низкими мостами чрез о. Татарку» (Попов, 62). Однодворка Татарская: «дорога чрез... однодворку Татарску при ключе» (Попов, 71). Деревня Татарская Солянка: «К востоку от них в верх по Сылве находится Солянская гора, названная так от речки Солянки, лежащая на левой ея стороне между деревнями Черемискою и Татарскою Солянками» (Попов, 26). Слобода Татарская: «В 1658 г. 6 ноября, ночью, загорелось на берегу Иртыша, в Татарской слободе» (Ш, IV, 416). *Оронимы:* Татарский (камень в бассейне р. Ирень, представляет собой мощное скальное обнажение высотой до 40 м.; назван по народу, поселившемуся у его подножия).

Таким образом, этнонимическое поле Пермского края – это совокупность языковых единиц, отражающих этническую принадлежность жителей данного региона. Практическая значимость исследования полевой структуры этнонимической лексики состоит в возможности использования полученных данных при составлении тематического словаря этнонимов: в словарную статью включаются как ядерные составляющие поля (собственно этнонимы), так и периферийные (прилагательные и наречия, образованные от этнонимов, этноантропонимы, этнотопонимы). Данное поле имеет ядерно-периферийную организацию; единицы его достаточно частотны, а также связаны определенными отношениями, которые мы и попытались представить в данной статье.

¹ Работа выполнена на средства гранта АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» № 2.1.3/2175 «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья», при поддержке РГНФ (РК 2009 «Урал: История. Экономика. Культура»), проект «Ономастическое пространство Пермского края».

Список литературы

- Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: Словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.
- Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.
- Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.
- Владыкин В.С. К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. 1970. № 3. С.35-40.
- Дмитриев А.А. Пермская старина. Вып. 1-5. Пермь, 1889-1892.

Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные истоки фразеологических единиц (на материале народных обычаев и обрядов) // Новое в когнитивной лингвистике. Кемерово, 2006. С.194-200.

Иванов С.С. Этнонимы современного русского литературного языка: дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1987.

Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.

Ковалев Г.Ф. Этнос и имя. Воронеж: Воронеж. Гос. ун-т, 2003. 236 с.

Козырева В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

Кузнецов Н.И. Природа и жители восточного склона Северного Урала // Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1888. Т.23, вып. 6.

Кунгурские акты XVII века. СПб., 1888.

Лабунец Н.В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта. Дисс... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007. 500 с.

Лаллук Сеппо. Некоторые наблюдения о сылвенских марийцах Пермской области // Пермский край: прошлое и настоящее. Пермь, 1997.

Лиханова Н.А. Идеографическая классификация и региональные словари (этнокультурный аспект) // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии. Тамбов, 2006. Вып. 1. С.286-288.

Любимова Л.М. Отражение социальной памяти этноса в историческом словаре // История языка – история народа. Чита, 2004. С.51-59.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.

Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1803.

Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. 432 с.

Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII вв. Вып. 1. Пермь, 1993.

Супрун В.И. Особенности выделения лексико-семантической группы этнонимов // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1981. С. 52-62

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.

Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XX века. Пермь, 1995.

Чагин Г.Н. Этноты и культуры на стыке Европы и Азии. Пермь, 2002. 384 с.

Шишкин Н.И. Коми-пермяки. Молотовгиз, 1947.

Шишонко В.Н. Пермская летопись. Период 2. Пермь, 1882.

Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1.

Этнокультурные процессы русского населения Пермского края на современном этапе / подг. Г.Н.Чагиным, Е.Н.Шестаковой. Пермь, 2006. 72 с.

THE REGIONAL ETHNONYMICON AS A FIELD STRUCTURE

Tatyana A. Sirotkina

**Assistant Professor of Russian Language Department
Perm State Pedagogical University**

The aim of this article is to study systematic relations of ethnonymy. The author defines the notion of ethnonymic field and describes its parameters such as central and peripheral relations, semantic commonality, frequency, stylistic marking. The ethnonymic field is regarded as a hierarchically organized set of lexical units united by the common semantic component 'ethnic' and connected by various systematic relations.

Key words: the language system; ethnonymy; ethnonymic field; systematic relations.